

Эльвина Ахнафовна Салихова

*Россия, Республика Башкортостан, Уфимский государственный авиационный
технический университет*

Отображение отдельных постулатов фрактальной семиотики в развитии психологического значения слова

Ключевые слова: ассоциация, значение слова, психологическая структура значения слова, фрактал, фрактальная семиотика, язык

Key words: association, the meaning of the word, the psychological structure of the meaning of the word, fractal, fractal semiotics, language

Abstract

The article offers an approach to the associative field of the word meaning as to the fractal formation, the description of which is possible through the features of this action in the multiscale recursions.

Формирование ассоциативной структуры никогда не начинается с нуля, обработка новой информации наслаивается на уже когда-то полученные внешние впечатления и события. Учитывая, что становление ассоциативной структуры значения слова проходит по определенным этапам, подчиняясь действию механизмов функционирования слова, и принимая во внимание факт существования определенных законов и закономерностей становления семантики на родном языке, мы имеем возможность моделирования ассоциативного поля значения слова (ЗС) как динамичного образования, являющегося психологической реальностью для носителя языка, с позиций фрактальной семиотики.

Трудности изучения психологической (ассоциативной) структуры ЗС связаны с обработкой большого экспериментального материала, с обязательным учетом достижений междисциплинарных наук. Именно этим объясняется тот факт, что до недавнего времени не поддавался разрешению вопрос о выявлении механизмов функционирования слов в индивидуальном сознании носителя одного, двух и более языков и установлении основных психологических

операций, связанных с процессами становления психологической структуры значения слова. Первая попытка выделить основополагающие механизмы жизни слова в индивидуальном сознании, а также разграничить классы психологических операций была предпринята в ряде работ А. А. Залевской [Залевская 1990]. Ею подробно описаны механизмы глубинной предикации, смысловых замен, вероятностного прогнозирования, когнитивного и коммуникативного контроля.

С целью выявления особенностей составляющих ассоциативного портрета носителя башкирского, татарского, татарско/башкирского и русского языков в условиях полиязычного Башкортостана нами был проведен массовый лонгитюдный ассоциативный эксперимент (1996–2006 гг.) на русском, башкирском и татарском языках с разновозрастными испытуемыми (далее – ии.) от 5–6 до 80 лет (всего участвовало 748 человек) [Салихова 2002; 2012]. Анализ почти 24 тысяч ассоциативных реакций послужил основой для разработки некоторых теоретических положений, излагаемых ниже.

Обсуждая проблемы рефлексии и понимания, Г. И. Богин считает, что

[...] в обыденных условиях непосредственно рефлектируются: при семантизирующем понимании – образы знаковых ситуаций; при когнитивном понимании – образы ситуаций объективной реальности; при распредмечивающем – образы ситуаций субъективной реальности [Богин 1982: 23–24].

По его мнению, языковая личность и есть совокупность таких пониманий, причем второй и третий виды понимания совместно противостоят первому в том отношении, что они позволяют осваивать смыслы, тогда как «семантизирующее понимание дает лишь освоение социально принятых значений языковых знаков» [Богин 1982: 42]. Особенно интересно в свете наших размышлений его утверждение о том, что образ ситуации, возникающий у реципиента, является совмещенным образом: он и константен, и целостен, и вариативен, и конкретен, и процессуален, являясь результатом взаимодействия всех пяти выделенных им уровней языковой личности.

Принимая во внимание отдельные положения концепции Г. И. Богина, основные принципы фрактальной семиотики (неопределенность – дополненность – совместность; точность – локальность – простота и пр.), а также полученные результаты анализа экспериментального исследования, мы попытались смоделировать ассоциативное поле (АП) среднестатистического монолингва и би-/трилингва, представить его ассоциативный портрет. Понимая под последним некий условный ассоциативный текст, считаем, что 1) его смыслы не наращиваются, а оказываются закрепленными за определенными зонами (принцип локальности); 2) вариативность их, возможно, конечна/бесконечна в силу ограниченности/неограниченности ассоциативных связей той или иной зоны (принцип неопределенности); 3) эти смыслы зачастую квазиконкретны (т. е. «овеществляются») с помощью компаративов

– принцип совместности); 4) они квазиконстантны, поскольку в ряде случаев указывают на реальную и мыслимую среду (принцип дополнительности). Относительная стабильность ассоциативных смыслов, по-видимому, не случайна: они являются своеобразным феноменом, возникшим в условиях моностилистической (то есть одной), культуры, которая часто ориентирована на иерархию, исключение, упрощение. Конечно, связи между этими перечисленными категориями отнюдь не прямолинейны, а выступают как связи опосредованные промежуточными семиотическими факторами.

Семиодинамическое пространство АП образуется переходом от бинарной структуры «стимул–реакция» (S–R) к тернарной (см. описание психометрической пирамиды как модели психологической структуры ЗС у носителя языка/языков в [Салихова 2012: 229–238]). В диаде взаимодействие сторон ограничено, в триаде возникает ограничительная мера целостности, которая подвижна и не абсолютна. На невозможность практического начертания всей ассоциативной сети в силу неизвестности четкого изображения неперiodических структур с большим числом элементов указывали исследователи структуры ассоциативных связей как опорных элементов человеческой памяти [Старинец, Агабабян, Недялкова 1968]. Факт количественных и качественных изменений ассоциаций является ярким доказательством расширения с возрастом у ребенка информации о слове и через слово – об окружающей действительности. Тем самым подтверждается мысль А. А. Залевской о том, что слово – одно из средств доступа к единому информационному тезаурусу человека. Изменение и развитие ассоциатов свидетельствует о процессе формирования субъективного образа объективной действительности, различного рода перегруппировках единиц лексикона человека.

Преодоление ограниченности в диаде возможно как преобразование в новую целостность. Механизм бифуркации (*bifurcation* – досл. раздвоение; обозначение всевозможных качественных перестроек элементов при изменении параметров, от которых они зависят) АП может быть раскрыт через его структурную динамику. В локальном масштабе окрестности точки бифуркации – отдельно взятой реакции ии. на исходное слово – отличаются от внешних *до* и *после* перехода в иное количественно-качественное состояние: 1) с возрастом изменяется количественно-качественное наполнение АП слов вследствие познания явлений природы и окружающего мира; 2) вне зависимости от языковой принадлежности, наблюдается укрепление узлов, соответствующих абстрактным значениям, т. е. в старшем школьном звене имеет место процесс обобщения, ведущий к возникновению первоначально протопонятий, а затем – понятий; 3) развитие психологической структуры ЗС происходит при участии и взаимодействии психофизиологических функций, действии таких процессов, как анализ, синтез, классификация, сравнение, протекающих вне нашего сознания и воли; 4) рассматривая горизонтальный и вертикальный срезы модели, можно убедиться в сложности

устройства психологической структуры АП: горизонтальное направление устройства представляет динамичное образование, включающее результаты усвоения/освоения, восприятия, осознания и понимания слова, проявляемые в способах идентификации слова; вертикальный срез фиксирует процесс перегруппировки оснований для семантической связи, следствием чего мы имеем постоянное пополнение и развитие лексикона человека; 5) с точки зрения горизонтально-вертикального подхода к развитию психологической структуры АП лексических единиц на слово-стимул допустима мысль о поэтапном развитии последней.

Область устойчивой целостности АП – это его ядро, представленное социально и культурно обусловленными ЗС, способствующими упорядочиванию и хранению знаний ии. в информационной базе. Сингулярности (точки, с которых начинается нерегулярное поведение системы), возникающие на периферии АП, означают рубежи равномерности и потребность в более сложной переходной, заведомо нелинейной проекции предьявляемого S в индивидуальном сознании индивида. Вариативная часть АП обусловлена лежащими в основе образа мира каждого из информантов возрастными, половыми, национально-культурными особенностями.

Признавая знаковую природу АП ЗС, знак в контексте рассуждений можно рассматривать как часть структуры субъект-субъектного отношения, сформированной реализацией правил семиотического поведения. Это представление расширяет поведенческие формулировки знака. Возникновение знака из поведения может привести к интересной связи между знаковым поведением, изучаемым семиотикой, и различными типами поведения, изучаемыми в психологии. С точки зрения Ч. Морриса, организм может наблюдать окружение (означающие, или десигнативные знаки), оценивать (оценочные) и предписывать окружению что-либо (предписывающие). Согласно представлениям автопоэзиса, знак – устойчивая взаимосвязь между стимулом и поведением, реализуемая состояниями психики информанта. Ассоциативная нагруженность – это онтологическое свойство знака.

Основная идея фрактала как формы, описывающей природу, по мнению В. В. Тарасенко, состоит в «действиях, разворачиваемых в мультимасштабных рекурсиях» [Тарасенко 2009: 29]. Моделирование семиодинамики АП ЗС таким образом сводимо к выбору человеком нужной системы связей. Треугольник Г. Фреге – модель четкости и однозначности: знак прикован к понятию и предмету. Это основная черта мономасштабного мышления. Переложив суждения Л. С. Выготского на язык семиотики, мы приходим к выводу о том, что первичным является прагматический, а не семантический аспект возникновения знака у ребенка: знак – это не результат мышления или смысла, а итог ассоциирования двух объектов, один из которых становится знаком, а другой предметом. Смысл возникает позже. Смысл и значение появляются при отходе от конкретного мышления, при формировании

абстрактных структур оперирования понятиями. Однако этот мыслительный процесс происходит позже речевого процесса овладения связью между словами и вещами. Главная идея известного психолога состоит в том, что речь, способность оперировать знаками сами по себе еще не являются показателями мышления. Мышление ребенка протекает не в понятиях, а *комплексах* – своеобразных обобщениях, способах систематизации, отбора возможностей, соединениях несоединимого, предшественником которых является детский синкретизм. Л. С. Выготским выделено пять основных комплексов: 1) ассоциативный – в основе обобщения находятся ассоциативные связи; 2) коллекционный – различные предметы группируются по принципу дополнения к основному признаку; 3) цепной – выстраивается на основе ветвящейся цепи ассоциаций, когда группируемый в комплекс объект может быть непосредственно связан какой-либо ассоциацией с предыдущим объектом, но не связан с пред-предыдущим; 4) диффузный – признак, по которому объединяются различные предметы; как бы диффундирует, становится неопределенным, меняется; 5) псевдопонятийный – ребенок приходит к традиционному понятию путем каких-либо своих ассоциаций (цвета, схожести формы, диффузионных факторов). Действительно, любое понимание начинается на уровне интуитивного схватывания образа и только через личностные структуры происходит восхождение к сущности собственно понятия. Хотя образ не обладает точностью и четкостью понятийных структур, зато он обладает потенциалом эвристичности. Образ всегда личностен; это своего рода свернутая пружина огромного познавательного интереса. Интуиции без движения не может быть, у ребенка это движение первоначально телесно. Вводя в научную парадигму термины «ассоциативное значение», «ассоциативное поле», «ассоциативное поведение» и т. п.,

[...] мы в полной мере осознаем их глубинную связь с ассоциативными системами человека, «находящимися в теле человека». Но, как выясняется, продукт, имеющий, несомненно, телесные корни, требует для своего анализа целый набор инструментов [Рогожника 2009: 51],

в число которых могут входить и некоторые из основных положений фрактальной семиотики. По нашему убеждению, последние дадут возможность увидеть язык и коммуникацию через идеи и подходы теории фракталов, соединенные с идеями когнитивных наук.

Говоря о фрактальном переосмыслении знака, нужно указать на процессуальность. Представление знака как процесса необходимо влечет анализ биологических процессов, в которых знак функционирует. Знак, с одной стороны, как «фильтр» биологической системы, а с другой, – как результат распознавания организмом себя и внешнего окружения. С этой точки зрения знак телесен и неотделим от информанта – носителя языка/языков. Невозможно понимать знак, не понимая биологических процессов.

Для задания АП как фрактального образования необходимо описать обратную связь как генератора фрактального процесса и масштабное преобразование. Масштабирование, задающее форму фрактала, можно интерпретировать как способ мультимасштабной координации системы с другими системами в динамике ее структурных сопряжений. Микротренд обусловлен случайностями и хаотичностью в микромасштабах АП как неотъемлемой части ассоциативной системы индивида. Различия и сходства R разновозрастных испытуемых – носителей разносистемных языков – обусловлены свойствами исходных слов (их семантическими, грамматическими характеристиками). Реагирование ии. на вербальные S-прилагательные и существительные R различных грамматических форм оказалось характерным во всех сериях эксперимента, что подтвердило вывод о корреляции грамматической формы S формой R. Влияние семантики и лексико-грамматической принадлежности S на характер ассоциаций проявилось, с одной стороны, в фактах парадигматико-синтагматического сдвига, изменении величин участков грамматических и фонетических ответов, симиляров и оппозитов, наличии переводных R на родном языке у башкиро-/татароговорящих ии. в серии эксперимента на русском языке и в серии на башкирском/татарском языках – R на русском языке у русскоговорящих ии.; с другой стороны, имеются факты значительных совпадений в структурах АП серий эксперимента на тюркских языках, что объясняется их структурной и генетической близостью.

Специфичным свойством АП в терминах фрактальной концепции является его дробная размерность: экспериментатор искусственным путем классифицирует в зависимости от избранных параметров полученные R в группы. Специфические запутанные формы нелинейных фракталов (таковым представляется нам и АП) – не результат тщательной прорисовки каждой точки, а всего лишь действие мультимасштабного преобразования. Инвариантность фракталов сводится к стохастическому масштабному преобразованию, т. е. к случайному комбинированию элементов фрактального поля. Фрактальная структура АП может определяться через процессы взаимодействия – масштабные переходы согласований частей и целого. В АП это, в частности, соотношения гиперонимии и гипонимии между S (обозначены строчными буквами) и R (даны курсивом): ВОЛК – *животное, хищник*; ЗЕМЛЯ – *планета, суша, почва, грунт*; ЧАС – *время, неделя, секунда, минута, столетие, века* (см. многочисленные примеры и лингвокультурологический и социопсихолингвистический комментарий к ним в [Салихова 2002; 2006; 2012]). При рассмотрении ЗС как параметра порядка значения исходных полисемантических слов воспринимаются уникальными в контексте специфических синтагматических реакций, являющих собой порой целые предложения, высказывания, микротексты, прецедентные речевые отрезки: например, на S-ЗЕМЛЯ – *в иллюминаторе видна* (строчка из песни, исполняемой группой «Земляне»); ВОЛК – *тамбовский волк тебе товарищ* («тамбовской» породы

волков в природе не существует, это устойчивое выражение, применяемое, когда адресант дает понять, что не считает собеседника человеком, которому можно доверять); *человек человеку* (от латинского *Homo homini lupus est*, обозначающего недоверие, в противоположность которому существует – *человек человеку – друг, товарищ и брат*). Понимание такого «текста» представляется как создание иерархии порядков посредством последовательности нарушения симметрии.

Когнитивная деятельность в целом и принятие решений человеком (в условиях эксперимента – это стратегии реагирования, алгоритмизация которых затруднена в силу специфики ассоциативной системы человека) могут быть представлены в виде метафоры распознавания паттерна. В языковой/речевой среде можно предположить наличие таких состояний системы, когда происходит как бы блуждание по семантическому полю без выпадения в какое-либо структурированное образование. Именно так можно интерпретировать положение, что «языковая среда – это мир без другого» [Аршинов, Свирский 1994: 40]. В языке (шире – культуре) распределены виртуальные значения семиотической фрактальной машины, которые сознание человека самостоятельно переводят из бесконечного цикла возможных итераций (результатов повторного применения каких-либо операций) в конечную цель [Налимов 2000: 15]. Подчеркнем, что особенностью этой распаковки является ее спонтанный и вероятностный характер. Для формирования творческого акта необходимо «отпустить» ассоциативный поток, дав возможность пробежаться по индивидуальному полю связей. Кажущаяся легкость и случайность такого потока тоже является усилием, навыком нашего сознания. Изрезанность языка мультимасштабна, она может возникать на всех уровнях и проявляться на уровне ассоциативных полей в количественно-качественных измерениях совокупности реакций; на уровне высказывания она проявляется в незавершенности, фрагментированности суждений и стилистики выдаваемых речевых продуктов, на уровне текста и дискурса – в изрезанности сюжета, на уровне семиосферы – в структурных катастрофах мира, разрушения понятия вселенной.

Структурирование АП с позиций фрактальной семиотики – это понимание организации знаков, способных совершать переходы между различными устойчивыми состояниями психики испытуемого. Топос как основная составляющая прогнозируемого ряда элементов фрактальных структур разворачивается вокруг зон ясности и определенности, обозначенных жесткими понятийными структурами. Он конституирует область фрактального восприятия. Если признать за семантическое состояние характеристику ии., которая, с одной стороны, связана с состоянием его психики, а с другой, – с установкой культуры и сознания, тогда можно утверждать, что семантическое состояние – это структура операционально замкнутого процесса когнитивной самореференции наблюдателя. Изменение структуры проявляется в аффектах,

изменениях ощущений и восприятий, а также его интенций – направленностей на внешнее окружение. R, выдающие некоторые социальные представления и стереотипы, можно назвать макроуровнем семантического состояния не только конкретного испытуемого, но и целой социальной общности. Так, частотность употребления S-ЗЕМЛЯ ии.-башкирами и татарами выражена в качестве определяемой части со значением «родина, земля, местность, страна, территория» (*туган жир* – татарское «родина, место рождения», *Советтар иле, Рэсэй иле* – башкирское «Советская земля», «Российская земля»). Различия в лексическом наполнении соответствующих зон АП ЗЕМЛЯ (планета; страна, родина; почва, грунт; часть суши, суша; человек, его место обитания; природа; культурологические компоненты) русских, татар, башкир сосредоточены в области когнитивных характеристик секторов *планета, страна* и *родина*. Если характеристика страны для тюркоязычных монолингвов актуализируется R *мой Башкортостан, родная земля*, то для русских информантов такое содержание менее актуально. Для них и тюркоязычных билингвов характерна актуализация первого признака – земля как планета. В терминах В. И. Аршинова такой выбор можно квалифицировать как подготовку системы значений к восприятию, и в этом смысле семантическое состояние – способность/неспособность организма воспринять знаки. Национально-культурологическая компонента АП для русскоязычных ии. представлена главным признаком S-ЗЕМЛЯ – *обширные равнинные пространства* и сопровождающие их стихии – *река, лес, степь*. В ответах респондентов всех языковых групп присутствуют R *Мать-земля, мать*. Об истоках *Матери-земли* у тюрков свидетельствует эпос родового строя, этнографические исследования древнебашкирского язычества.

Семиодинамика ассоциативного пространства АП эволюционирует за счет пульсации возникновения и исчезновения знаков, возникновения и исчезновения понимания, которые потенциально могут быть связаны со знаками. Вербальные ассоциаты могут квалифицироваться не как пассивное отражение некоего содержания сознания, а выражение коммуникативного намерения реципиента. В эксперименте выявляются закономерности ассоциирования на слова-стимулы, в которых обнаруживается значимость слова для лингвокультурной общности и потенциальная сочетаемость слова. Ассоциативное ЗС отражает его коммуникативный потенциал – то, что обуславливает способность слова участвовать в общении в качестве элемента высказывания. Слово как знаковая сущность в фрактальной проекции полимерно, и признавая это, автор этих строк перечисляет минимально необходимые основные его свойства и характеристики, достаточные на этом этапе научного изыскания.

Литература

- Аршинов В. И., Свирский Я. И., 1994, Синергетическое движение в языке [в:] И. А. Акчурин, В. И. Аршинов (отв. ред.), *Самоорганизация и наука. Опыт философского осмысления*, Москва: Институт философии РАН, с. 37–50.
- Богин Г. И., 1982, *Типология понимания текста: Учебное пособие*, Калинин: Калининский государственный университет.
- Залевская А. А., 1990, *Слово в лексиконе человека (психолингвистическое исследование)*, Воронеж: Воронежский госуниверситет.
- Налимов В. В., 2000, *Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье*, Москва: Прогресс-Традиция.
- Рогожникова Т. М., 2009, Идиосостояния семантики слова как реальный квантовый объект, *Вопросы психолингвистики*, № 2 (10), с. 50–56.
- Салихова Э. А., 2002, *Изучение структуры ассоциативных полей слов: опыт теоретико-экспериментального исследования*, Уфа: ВЭГУ.
- Салихова Э. А., 2006, Ассоциативное портретирование: поиск возможностей и перспективы, *Научное обозрение*, № 3, с. 182–185.
- Салихова Э. А., 2012, *Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме*, Уфа: Чурагул.
- Старинец В. С., Агабабян К. Г., Неद्याлкова Г. И., 1968, Экспериментальное исследование организации ассоциативных сетей [в:] *Моделирование в биологии и медицине*, Киев: Наукова думка, с. 14–25.
- Тарасенко В. В., 2009, *Фрактальная семиотика: «Слепые пятна», перипетии и узнавания*, Москва: Либроком.